

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 188–196

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 188–196

<https://phpp.sgu.ru>

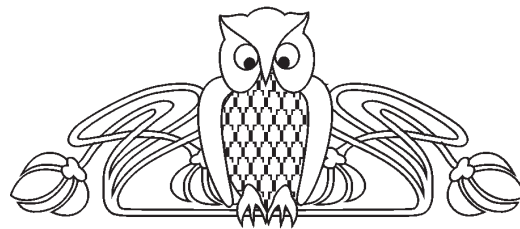
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196>

Научная статья

УДК 316.6

Эмпирическая модель социальной активности молодежи

Р. М. Шамионов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Аннотация. Исследования социальной активности молодежи позволяют выявить основные тренды реального интереса молодых людей относительно тех или иных областей общественной жизни, оценить ее потенциал для дальнейшего развития. Сегодня накоплен богатый эмпирический материал, касающийся ее проявлений, факторов и последствий, требующий обобщения. Цель настоящего исследования – разработать эмпирическую модель социальной активности личности. Представлена модель социальной активности молодежи, учитывающая условия ее социализации, факторы, ситуационные характеристики настоящего, обуславливающие реализацию и приверженность активности в реальной или виртуальной среде в моно- или полинаправленных формах, личностные, социально-психологические и общественные эффекты. Модель включает блок структуры социальной активности, построенной на основе эксплораторного и подтверждающего конфирматорного факторного анализов, блок внешних факторов, блок индивидуально-личностных факторов и блок личностных эффектов активности. Представлены эмпирические данные, подтверждающие основные элементы модели и связи между различными ее составляющими. Формулируется вывод о том, что социальная активность может рассматриваться как сложное явление, представляющее собой эффект взаимодействия функционально-динамических, личностных, субъективных, социально-психологических и социокультурных характеристик в конкретной ситуации жизни человека в конкретных обстоятельствах общественного развития.

Ключевые слова: личность, социальная активность, молодежь, эмпирическая модель

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00298.

Для цитирования: Шамионов Р. М. Эмпирическая модель социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 188–196. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Empirical model of youth social activity

R. M. Shamionov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Rail M. Shamionov, shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>

Abstract. Introduction. Studies of the social activity of young people allow us to find out the main trends of the real interest of young people in certain areas of social reality, to assess its potential for social development. **Theoretical analysis.** Today, a wealth of empirical material has been accumulated regarding its manifestations, factors and consequences, which requires generalization. The purpose of this study is to develop an empirical model of social activity of an individual. **Results.** A model of social activity of young people is presented, taking into account the conditions of their socialization, factors, situational characteristics of the present that determine the implementation of activity in a real or virtual environment, commitment and implementation of activity in mono- or multidirectional forms, personal, socio-psychological and social effects. The model includes a block of the structure of social activity built on the basis of exploratory and confirmatory factor analysis, a block of external factors, a block of individual-personal factors and a block of personal effects of activity. Empirical data confirming the main elements of the model and the connections between its various components are presented. **Conclusions.** It is concluded that social activity can be considered as a complex socio-psychological phenomenon, representing the effect of interaction of functional-dynamic, personal, subjective, socio-psychological and socio-cultural characteristics in a specific situation of human life in specific socio-historical circumstances of social development.

Keywords: personality, social activity, youth, empirical model

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 18-18-00298.

For citation: Shamionov R. M. Empirical model of youth social activity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 188–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-188-196>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Интерес к социальной активности личности в современной психологии в значительной степени возрос в связи с происходящими изменениями в гражданском обществе, с тем вкладом, который вносит молодежь в развитие общества, и потенциалом активности, способным его (развитие) в значительной степени модифицировать, внести творческий компонент для цивилизационного скачка, способного вывести общество на позиции, говоря словами У. Мак-Дугалла [1], развития моральных ценностей. Несмотря на происходящие в мире и в стране глобальные процессы сквозного проникновения в жизнь крайне противоречивых информационных потоков, пандемию, попытки замыкания отдельных стран и тенденции к формированию блокового мышления и остроту глобального соперничества, высвобождающаяся социальная активность молодежи становится драйвером ее самоопределения и самореализации и совершенно новых социальных процессов, которые станут явными лишь по прошествии некоторого времени. Социальная активность современной молодежи выступает в этом отношении важнейшим индикатором новой социальной реальности. Поэтому его анализ, установление структурных характеристик, детерминант и эффектов является важнейшей задачей современной социальной психологии. В условиях пандемии этот вопрос становится принципиальным, поскольку интересы исследователей отклонились в сторону оценки масштабов ее психологических последствий, а смещение трендов социальной активности молодежи не анализируется.

Социальная активность определяется нами как частный случай инициативного воздействия субъектов на окружающую среду; оно направлено на изменение и преобразование социальных объектов, в результате чего происходят изменения самой личности и всей социальной ситуации, обретение человеком тех свойств субъекта и личности, которые предопределены его включением в деятельность различных групп, в социальную активность Других, где происходит усвоение норм, ценностей и установок, очерчивающих границы возможной активности, ее направления [2].

Формы социальной активности и их факторы в психологических исследованиях

Исследования социальной активности, проведенные в последнее десятилетие в разных

странах, имеют специфику в зависимости от происходящих процессов в них. Повышение интереса к психологическим факторам социальной активности молодежи в Украине, Беларуси, России связано с ее участием в протестных и иных акционных мероприятиях, получивших общественный резонанс. Однако это не значит, что социально-политическая активность молодежи в этих странах отличается повышенным уровнем или имеются прямые социально-психологические его предикторы, практически побуждающие к этой форме активности. Например, в исследованиях социологов и психологов, напротив, отмечается достаточно низкий уровень интереса к политическим событиям в этих странах, несмотря на относительно низкий уровень доверия к политическим институтам [3, 4]. Вместе с тем необходимо также учесть возможную стремительность изменений приверженности к данной форме активности в силу эволюции общественного сознания, связанной с имеющимися противоречиями как на уровне молодежной культуры, так и на уровне возможностей ее самореализации в масштабах региона или страны, подпитываемыми различными источниками.

Весомую значимость обретают исследования гражданской активности, весьма близкой к социально-политической и протестной. Они охватывают вопросы влияния киберактивности на гражданскую активность, реализуемую в физическом пространстве [5–7], а также социально-психологических групповых образований – социального доверия, социальной ответственности, социальной идентичности в гражданском участии [3, 8–11]. Совершенно не случайно эти исследования преимущественно проводятся в странах с заинтересованной политикой гражданского участия молодежи.

Между тем результаты исследований, проводимых нашей группой в последние 5 лет в России, свидетельствуют о весомой приверженности молодежи к иным формам активности – досуговой и тесно связанной с ней интернет-сетевой, социально-экономической, образовательно-развивающей и духовной. Промежуточное положение занимает альтруистическая деятельность. Все формы гражданского участия и субкультурной активности находятся в зоне низкой значимости [12]. При этом за относительно небольшой временной отрезок с 15 до 25 лет происходят существенные изменения

в приверженности к различным формам активности. Например, те формы, что и так достаточно выражены, становятся еще более значимыми, а формы гражданского участия снижаются (протестные и субкультурные формы практически полностью трансформируются) [3]. Эти данные наталкивают на предположение о выводе отдельных форм активности на уровень иной возрастной группы – молодежи 26–35 лет. Возможно, некоторые формы активности актуализируются по спиралевидной кривой, а также происходит укрупнение форм активности за счет смены этапа социализации, пересмотра целей и задач самореализации личности и пр.

Между тем необходимо также учесть и то обстоятельство, что в последние годы происходит цифровизация активности молодежи и лиц, относящихся к более старшей социально-возрастной группе. Это создает условия параллельного существования (а порой и конкуренции) двух сред – физической и интернет-среды. Судя по результатам последних исследований, в молодежной выборке активность, реализуемая в физической среде, представлена и в интернет-среде, а в некоторых случаях имеются признаки вывода в последнюю. Результаты исследований свидетельствуют о достаточно простых механизмах переноса активности из одной среды в другую. Так, было установлено, что особенности вербального поведения и информация, получаемая в виртуальной среде, легко перемещаются в физическую среду, а из последней происходит перенос эмоционального отношения [14]. Кроме того, по заключению А. А. Шарова, часть ненормативного поведения переходит из реальной среды в виртуальную в результате «токсического растормаживания» за счет ослабления психологических барьеров в ней [15].

Важнейшим в исследованиях социальной активности молодежи является вопрос об ее собственных эффектах на различные образования личности, начиная с установок и завершая какими-либо мировоззренческими решениями. Такой ракурс анализа активности, пожалуй, самый сложный, требующий дополнительных исследований. Однако на уровне уже существующей эмпирической базы можно утверждать, что социальная активность молодежи способствует становлению важных социально-психологических образований личности – самоопределению в разных средах, усвоению социальных навыков и пр.

Большое количество эмпирических данных, полученных за последние годы, позволяет верифицировать теоретические представления

о социальной активности, ее детерминации и социально-психологических эффектах.

Цель исследования – разработать эмпирическую модель социальной активности личности, учитывающую условия ее социализации, внутренние и внешние факторы и их конstellации, ситуационные характеристики настоящего, обуславливающие реализацию активности в реальной или виртуальной среде, приверженность и реализацию активности в моно- или полинаправленных формах, личностные, социально-психологические и общественные эффекты.

Эмпирический анализ

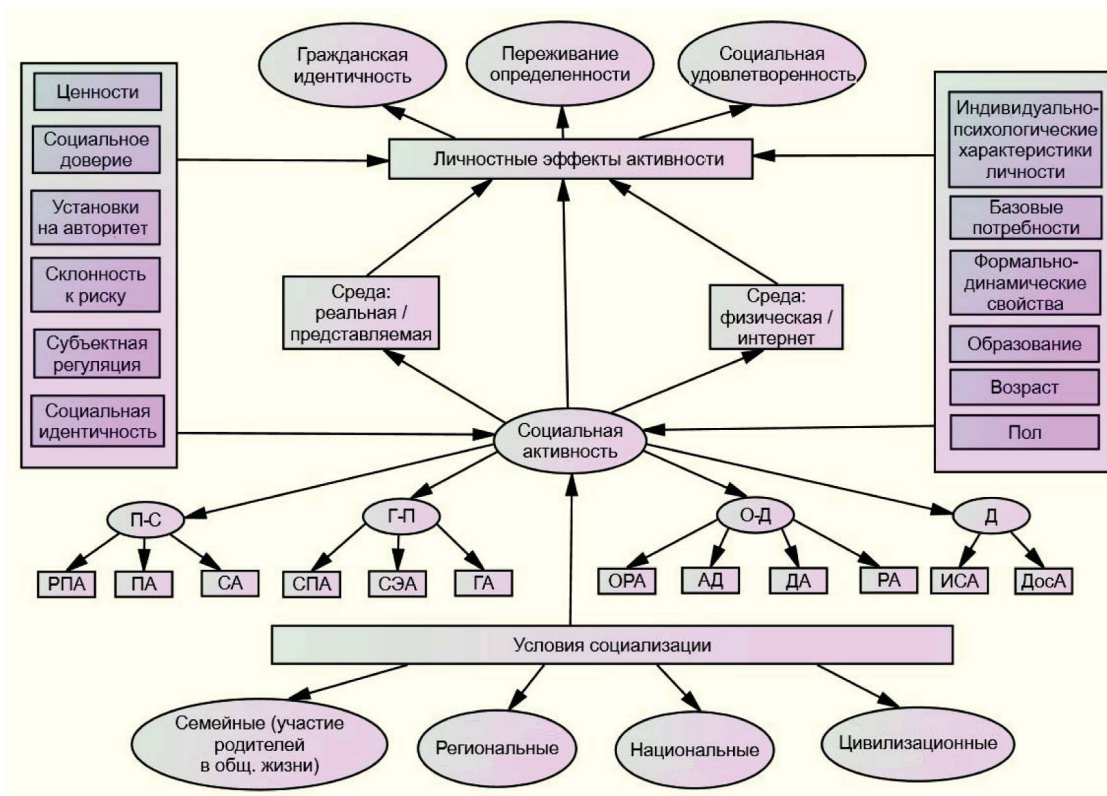
Методологической основой исследования послужил системно-диахронический подход к анализу социальной активности [2]. Использован метод теоретического анализа и метод структурно-функционального моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Модель включает ряд блоков, связанных друг с другом последовательно и по типу обратной связи, поскольку одни и те же явления представлены как факторы (предикторы) и сами служат эффектами активности. В соответствии с системно-диахроническим подходом такое положение не вызывает удивления, поскольку устанавливает не только разновременность становления отдельных характеристик личности и субъекта, но и разнонаправленность активности в зависимости от времени, места, этапа социализации личности и той ситуации, в которой она происходит. Данная модель представляет эмпирически подтвержденные характеристики активности и ее изменения в соответствии с различными уровнями психического отражения.

Изображенная на рисунке модель социальной активности молодежи является системой, включающей ряд связанных блоков, характеризующих ее выраженность, условия, факторы, эффекты. Ее эмпирическая верификация не завершена, но основные элементы находят подтверждения в ряде исследований. Рассмотрим их по блокам.

Блок социальной активности. Многочисленные исследования установили полинаправленность социальной активности молодежи, сочетание их форм. В результате эксплораторного и последующего конфирматорного анализов установлено, что формы социальной активности группируются по принципу совместной изменчивости в отдельные факторы. Получены четыре группы (обобщенных фактора) связанных друг с другом видов социальной активности.

Эмпирическая модель социальной активности.

Виды активности: П-С – протестно-субкультурный; Г-П – гражданско-политический; О-Д – духовно-образовательный; Д – досуговый

Empirical model of social activity.

Types of activity: П-С – protest-subcultural; Г-П – civil-political; О-Д – spiritual-educational; Д – leisure

В центре этой системы находится обобщенный фактор **духовно-образовательной** активности, индикаторами которой являются религиозная, духовная, образовательная активности, альтруистическая деятельность. Периферию составляют **досуговая** (индикаторы – досуговая и интернет-сетевая), **гражданско-политическая** (индикаторы – гражданская, социально-экономическая, социально-политическая), **субкультурно-протестная** (индикаторы – субкультурная, протестная и радикально-протестная) активности [3, с. 27]. В результате структурного моделирования также удалось установить и направленность связей между видами активности: прямая связь ведет от духовно-образовательной к досуговой и гражданско-политической, а от последней – к субкультурно-протестной.

Блок *внешних факторов* активности характеризуют условия социализации личности, в результате которой происходит усвоение социокультурных норм. Социокультурный уровень детерминант составляют национальные (на уровне стран), поселенческие (село, город, мегаполис), цивилизационные (запад–восток, север–юг) характеристики, являющиеся весьма важными

с точки зрения значимости видов активности и сочетания различных ее форм. Эмпирическое подкрепление данной линии модели еще продолжается, но уже можно характеризовать основные тенденции. Исследования семейных условий социализации личности как факторов социальной активности позволили установить, что опыт социальной активности родителей и их актуальное участие в общественной жизни страны являются предикторами гражданского участия молодежи [3]. Выявлено, что приверженность к активности двух типов (гражданско-политическая и субкультурно-протестная) детерминирована разными ее эффектами: участие родителей в общественной жизни страны способствует гражданско-политической активности и формированию гражданской идентичности молодежи. Соответственно и культурно-исторические представления, усвоенные в процессе социализации, как показано в исследованиях Е. Е. Бочаровой, служат факторами приверженности к различным формам активности. Автором установлены разнонаправленные связи с образовательно-развивающей, гражданской и духовной формами и синхронные с образовательно-развивающей активностью [16].

Имеются различия в зависимости от места проживания (или в случае актуального обучения в городах, прежнего места жительства). Например, установлена более сильная приверженность к протестной активности молодежи в малых городах при низкой региональной идентификации; различия также касаются и приверженности к досуговым формам активности [3]. Проживание в малом городе в большей степени стимулирует их досуговую, интернет-сетевую, образовательно-развивающую и субкультурную активности. Проживание в областном центре также побуждает молодежь к активности в досуговой, интернет-сетевой и образовательно-развивающей сферах жизнедеятельности (правда, выраженной в меньшей степени), а также к самовыражению в формах религиозной и протестной активности. Независимо от места проживания молодые люди считают, что для проявления своей активности у них больше возможностей, чем у их родителей, хотя в целом по стране эти возможности ограничены [3].

Несмотря на то, что нет ярко выраженных различий абсолютных показателей выраженности приверженности к отдельным формам социальной активности среди молодежи России, Украины и Беларуси, имеется национальная специфика в сочетанности форм активности, что свидетельствует о латентных факторах взаимодействия внутри этих форм.

Цивилизационные факторы социальной активности молодежи весьма важны даже в пределах одной страны (России), не говоря уже о различиях глобального уровня. Однако сравнительные исследования такого рода еще продолжаются.

Блок индивидуально-личностных детерминант активности. Множество личностных характеристик выступают основаниями, условиями и факторами социальной активности молодежи. Их можно иерархизировать по уровням: демографический, психофизиологический, психологический. Демографический уровень представлен половой принадлежностью, возрастом и уровнем образования. Практически во всех структурных моделях, выполненных нами, эти переменные были представлены в виде экзогенных и их влияние на активность определялось как прямо, так и через другие переменные-модераторы и медиаторы [3, 12]. На психофизиологическом уровне располагаются психодинамические характеристики, имеющие важное значение для психической и социальной активности. Это подтверждается в исследованиях Н. В. Усовой, где установлена связь приверженности к отдельным формам активности и некоторыми психодинамическими

характеристиками: ригидности (отрицательно) с альтруистической, гражданской и духовной активностью, эмоциональной возбудимости с гражданской и протестной активностью [17]. Установлено, что до 20% вариаций социальной активности обусловлены влиянием эргичности, эмоциональности и пластичности психической. Однако в физической и виртуальной среде это влияние имеет существенные отличия. В виртуальной среде оно снижается, поскольку там не требуется столько энергетических затрат, как в физической.

На психологическом уровне располагаются характеристики познавательной деятельности, личности и др. Роль познавательной деятельности в социальной активности нами предполагается, исходя из ее детерминированности познавательной мотивацией [18] и активацией познавательных процессов [17]. Последующие исследования должны быть направлены на установление связи социальной активности с академическим и социальным интеллектом. Исследования также подтвердили предположение о различиях побудительного потенциала форм социальной активности и их полимотивированности [19]. Мотивация познавательного интереса, престижа, мотив «активной гражданской позиции», самовыражения и другие в разной степени обуславливают отдельные формы социальной активности. Их «удельный вес» еще не определен, но наличие корреляционных связей свидетельствует об их значении для активности в совокупности или по отдельности. Удовлетворенность базовых потребностей в компетентности, автономии и связанности с другими вносит значительный (от 2 до 10% дисперсии) вклад в вариации разных форм социальной активности [3]. Установлено, что наиболее высокий уровень детерминации (по числу корреляций и тесноте связей) выявлен в отношении досуговой, образовательно-развивающей, религиозной и радикально-протестной активности. При этом удовлетворенность потребности в компетентности является важнейшей в мотивации разных форм активности.

Свойства личности (волевые свойства) в значительной степени обуславливают приверженность к тем или иным формам (в среднем 17% вариаций) социальной активности [20]. Наиболее полно свойства личности объясняют изменения образовательной, духовной (около 20% вариаций), религиозной (29%) активности. Переживание самооффективности, способность решать различные бытовые задачи являются основными факторами некоторых видов социальной активности: положительным в наиболее

распространенных и просоциальных видах и негативным – в протестных [3]. Высокая субъектная позиция (автономность) более явно проявляется у реализующих досуговую и религиозную активность и наименее явно – у лиц, реализующих протестные виды активности.

На уровне социально-психологических детерминант особое место занимает система ценностных ориентаций. Установлено, что ценности объясняют от 8 до 22% вариаций различных видов активности [21]. Так, наиболее важными прогностическими ценностями для гражданской активности являются ценности традиций и заботы о природе при низкой выраженности ценности общественной безопасности; для протестной активности – ценности равенства и справедливости, сохранения среды, власти при низкой выраженности ценностей безопасности общественной и благополучия группы; для досуговой активности – стремление к новизне (стимуляция), традициям и благополучию группы; для интернет-сетевой активности – ценности свободы собственных действий, власти как контроля за ресурсами при низкой выраженности ценности традиций. Установлено, что от 12 до 36% дисперсии разных форм социальной активности объясняются характеристиками социальной идентичности молодежи [22]. Наиболее значима для различных форм социальной активности роль социальной идентичности, соответствующая определенной группе молодых людей: приверженцы гражданской активности характеризуются высокими показателями идентификации с патриотами, протестной активности – с оппозиционерами, досуговой активности – с активистами, а приверженцы интернет-сетевой активности – с молодежью.

Очевидно, именно этот уровень является важным и с точки зрения эффектов самой социальной активности [3]. В частности, нами установлено, что около 22% вариаций социальной фрустрации-социальной удовлетворенности обусловлены различными формами социальной активности. Опять же наибольший вклад в него вносят альтруистическая, образовательная, духовная и религиозная формы – те, которые образуют единый кластер, который, очевидно, являясь наиболее предписанным (социально ожидаемым), становится фактором социальной удовлетворенности. Работа по установлению эффектов социальной активности продолжается. Ожидается обнаружение эффектов на уровне убеждений, интересов, а также характеристик идентичности молодежи.

Блок субъектных детерминант социальной активности включает характеристики субъект-

ной саморегуляции. Такая связь вовсе не случайна и подтверждается эмпирически. Например, выявлено, что студенты с автономным и зависимым типами субъектной регуляции характеризуются приверженностью к различным формам социальной активности. Так, студенты с автономным типом субъектной регуляции в большей степени привержены к социально-конгруэнтным формам активности (приверженность к досуговой, социально-политической, гражданской активности), а с зависимым типом – к протестной активности, хотя общий уровень ее выраженности и у тех и у других находится на низших позициях [12].

К деятельностным универсальным предикторам социальной активности отнесены такие характеристики, как инициатива в деятельности, ее направленность на решение социально ориентированных задач и самоорганизация (посредством внешних средств) [23]. Также установлена четко выраженная динамика в развитии субъектной детерминации социальной активности студенческой молодежи – она усиливается по мере повышения уровня ее профессионального образования [24].

Выводы

Полученные результаты эмпирических исследований подтверждают жизнеспособность предложенной модели социальной активности личности. Однако вклад отдельных переменных в изменчивость различных форм и видов социальной активности не является доминирующим. Это значит, что лишь в определенных сочетаниях они создают целостную систему детерминации форм и видов активности.

Для данной модели важным является и то, что она раскрывает посредническую роль ряда отдельных характеристик личности либо социально-демографических показателей и условий социализации. В эмпирических (структурных) моделях они представлены в виде переменных-модераторов и медиаторов, соответственно, снижающих или усиливающих каузальную связь между социальной активностью и другими характеристиками.

Таким образом, эмпирическая модель социальной активности молодежи включает в себя несколько моделей: модель структуры видов и форм социальной активности, полученной на основе факторного анализа, в которую встраивается на основе структурного моделирования ряд переменных, определяющих разный уровень психического отражения, и переменных, характеризующих объективные условия социализации молодежи (место жительства, опыт активности родителей, принадлежность к национальной

культуре и субкультуре и т.п.). В соответствии с этой моделью социальная активность может рассматриваться как сложное социально-психологическое явление, представляющее собой эффект взаимодействия функционально-динамических, личностных, субъектных, социально-психологических и социокультурных характеристик. В зависимости от социовозрастной предписанности тех или иных видов социальной активности молодежи имеются различия в уровне их детерминации. Существуют четкие индикаторы непредписанных форм активности. Например, несмотря на невысокую степень приверженности к протестным и субкультурным формам активности, они стимулируются определенной комбинацией социально-психологических и социокультурных условий, среди которых низкая выраженность гражданской и религиозной идентичности, вера в конкурентный мир (отрицательно), институциональное доверие, склонность к активности в виртуальной среде и ряд других [25]. В случае адекватности предписанной активности даже само предпочтение более высокого уровня активности, нежели реализуемый, может служить драйвером достижений в этой сфере [22].

Список литературы

1. Мак-Дугалл У. Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 1916. 282 с.
2. Троцук И. В., Сохадзе К. Г., Лаврушина А. И. Неинституциональные форматы социальной активности российской молодежи (по результатам экспертных и массовых опросов) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 108–113.
3. Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Арендачук И. В., Бочарова Е. Е., Усова Н. В., Кленова М. А., Шаров А. А., Заграничный А. И. Психология социальной активности молодежи. М.: Перо, 2020. 200 с.
4. Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17, № 3. С. 348–363. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
5. Pegg K. J., O'Donnell A. W., Lala G., Barber B. L. The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use // *Cyberpsychology behavior and social networking*. 2018. Vol. 21, № 1. P. 50–55.
6. Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth // *Communication Today*. 2017. Vol. 8, № 1. P. 104–112.
7. Sherman L. E., Greenfield P. M., Hernandez L. M., Dapretto M. Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood // *Child development*. 2018. Vol. 89, № 1. P. 37–47.
8. Liu Y., Shen W. Perching birds or scattered streams: A study of how trust affects civic engagement among university students in contemporary China // *Higher Education*. 2020. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00548-9>
9. Owusu-Agyeman Y., Fourie-Malherbe M. Students as partners in the promotion of civic engagement in higher education // *Studies in Higher Education*. 2019. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1666263>
10. Fernandez J. S., Langhout R. Day Living on the Margins of Democratic Representation: Socially Connected Community Responsibility as Civic Engagement in an Unincorporated Area // *American Journal of Community Psychology*. 2018. Vol. 62, № 1–2. P. 75–86. <https://doi.org/10.1002/ajcp.12257>
11. Grant P. R., Bennett M., Abrams D. Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum // *British Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 56, № 3. P. 455–474. <https://doi.org/10.1111/bjso.12186>
12. Шамионов Р. М. Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // *Социальная психология и общество*. 2021. Т. 12, № 1. С. 94–112. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>
13. Арендачук И. В. Деятельностные характеристики социальной активности молодежи разных возрастных групп // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2020. Т. 9, вып. 2 (34). С. 148–161. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161>
14. Заграничный А. И. Исследование субъективной оценки влияния особенностей общения в виртуальной среде на общение в реальной и механизма переноса каких-либо личных черт, акцентуаций характера, позиций и стратегий поведения из реальной среды в виртуальную среду // *Мир образования – образование в мире*. 2019. № 2 (74). С. 226–232.
15. Шаров А. А. Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*. 2019. Т. 28. С. 103–109. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.28.103>
16. Бочарова Е. Е. Представление личности о культурно-исторических фактах и их роли в детерминации социальной активности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2020. № 1. С. 22–35. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-22-35>
17. Усова Н. В. Психодинамические предикторы направленности социальной активности // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2019. Т. 25, № 3. С. 95–100. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100>
18. Григорьева М. В. Потребностно-мотивационные факторы социальной активности личности в разных условиях социализации // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 11 (55). С. 35–41.

19. Кленова М. А. Мотивация протестной и социально-политической активности личности и ее потенциал в системе смысловых ориентаций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 1 (37). С. 53–61. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-53-61>
20. Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Григорьев А. В. Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 18–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100102>
21. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 1. С. 124–141. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>
22. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Соотношение жизненных ориентаций, социальной идентичности и социальной активности молодежи // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18, № 4. С. 22–33. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>
23. Арендачук И. В. Субъектно-деятельностные детерминанты видов социальной активности учащейся молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16, № 4. С. 560–581. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-560-581>
24. Arendachuk I. V. Subjective determinants of social activity of the student youth // SHS Web Conf. “Trends in the development of psycho-pedagogical education in the conditions of transitional society” (ICTDPP-2019). 2019. Vol. 70. P. 5.
25. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Характеристики личности и активности студентов как предикторы степени реального и предпочтительного участия в образовательно-развивающей деятельности // Перспективы науки и образования. 2022. № 1 (55). С. 477–490. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.30>
- 2017, vol. 17, no. 3, pp. 348–363 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363>
5. Pegg K. J., O’Donnell A. W., Lala G., Barber B. L. The Role of Online Social Identity in the Relationship Between Alcohol-Related Content on Social Networking Sites and Adolescent Alcohol Use. *Cyberpsychology Behavior and Social Networking*, 2018, vol. 21, no. 1, pp. 50–55.
6. Savrasova-V’un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth. *Communication Today*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 104–112.
7. Sherman L. E., Greenfield P. M., Hernandez L. M., Dapretto M. Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood. *Child Development*, 2018, vol. 89, no. 1, pp. 37–47.
8. Liu Y., Shen W. Perching birds or scattered streams: a study of how trust affects civic engagement among university students in contemporary China. *Higher Education*, 2020. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00548-9>
9. Owusu-Agyeman Y., Fourie-Malherbe M. Students as partners in the promotion of civic engagement in higher education. *Studies in Higher Education*, 2019. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1666263>
10. Fernandez J. S., Langhout R. Day Living on the Margins of Democratic Representation: Socially Connected Community Responsibility as Civic Engagement in an Unincorporated Area. *American Journal of Community Psychology*, 2018, vol. 62, no. 1–2, pp. 75–86. <https://doi.org/10.1002/ajcp.12257>
11. Grant P. R., Bennett M., Abrams D. Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum. *British Journal of Social Psychology*, 2017, vol. 56, no. 3, pp. 455–474. <https://doi.org/10.1111/bjso.12186>
12. Shamionov R. M. Social Activity and Risk Propensity of Students with Autonomous and Dependent Types of Subject Regulation. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 94–112 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120107>
13. Arendachuk I. V. Activity characteristics of social activity in young people belonging to different age groups. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 2 (34), pp. 148–161 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161>
14. Zagranichnyj A. I. The study of the subjective assessment of the influence of the features of communication in a virtual environment on communication in real life and the mechanism of transferring any personal traits, character accentuations, positions and behavioral strategies from the real environment to the virtual environment. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [World of Education – Education in the World], 2019, no. 2 (74), pp. 226–232 (in Russian).
15. Sharov A. A. Deviant activity of youth: features and mechanism of transfer from the real environment to the virtual. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya* [News of Irkutsk

- State University. Psychology Series], 2019, vol. 28, pp. 103–109 (in Russian). <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.28.103>
16. Bocharova E. E. Representation of a person about cultural and historical facts and their role in determining social activity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], 2020, no. 1, pp. 22–35 (in Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-1-22-35>
 17. Usova N. V. Psychodynamic predictors of the orientation of social activity. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2019, vol. 25, no. 3, pp. 95–100 (in Russian). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-3-95-100>
 18. Grigoryeva M. V. Need-motivational factors of social activity of the individual in different conditions of socialization. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2018, no. 11 (55), pp. 35–41 (in Russian)
 19. Klenova M. A. Motivation of protest and socio-political activity of an individual and its potential in the system of life-purposeorientations. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2021, vol. 10, iss. 1 (37), pp. 53–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-53-61>
 20. Shamionov R. M., Grigorieva M. V., Grigoryev A. V. Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 18–34 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100102>
 21. Shamionov R. M., Bocharova E. E., Nevsky E. V. The role of values in the commitment of youth to various types of social activity. *Social Psychology and Society*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 124–141 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130108>
 22. Shamionov R. M., Bocharova E. E., Nevsky E. V. Correlation of life orientations, social identity and social activity of youth. *Rossiyskiy psihologicheskij jurnal* [Russian Psychological Journal], 2021, vol. 18, no. 4, pp. 22–33 (in Russian). <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.7>
 23. Arendachuk I. V. Subject-activity determinants of types of social activity of students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 560–581. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-560-581>
 24. Arendachuk I. V. Subjective determinants of social activity of the student youth. *SHS Web Conf. "Trends in the development of psycho-pedagogical education in the conditions of transitional society" (ICTDPP-2019)*, 2019, vol. 70, pp. 5.
 25. Shamionov R. M., Bocharova E. E., Nevsky E. V. Characteristics of personality and activity of students as predictors of the degree of real and preferred participation in educational and developmental activities. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of Science and Education], 2022, no. 1 (55), pp. 477–490 (in Russian). <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.30>

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 25.03.2022